

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2007

Иллюстрации: Юлия Хоменко (Yuriko88)

[Рассказ был написан для конкурса «Креатив 2, или “Не ждали?”»](#)

Цвет Солнца

«Необходимо, чтобы нож врага взрезал плоть яблока, то есть мою плоть. Тогда прольется кровь, жизни придет конец, и в миг разрушения факт бытия впервые станет полностью доказан, пропасть между существованием и созерцанием сомкнется. Это и будет смерть».

— Юкио Мисима, «Солнце и сталь»



1

Над Аютией поднималось солнце. Яркие лучи коснулись городских стен и красной черепицы королевского дворца, сверкнули на позолоченных шпилях храмов, осветили приземистые глиняные дома простых горожан. Раскинувшаяся по всей длине речного острова древняя столица просыпалась — спокойно и безмятежно, словно не существовало вражеской армии, замкнувшей город в кольцо осады.

Единственным местом, где чувствовалась опасность, нависшая над Аютией, был рынок. Столица Сиам не зря слыла перекрестком миров: тончайшие шелка из северной Дзийнь, специи и краски из Хиндустана, драгоценные камни и магические талисманы с гор Чангтана, оружие с островов Ямато — все это было в изобилии на рынках Аютии.

Но сейчас большая часть просторной рыночной площади была безлюдной: не блестели на утреннем солнце металлы и драгоценности, исчезли дурманящие голову запахи и затих привычный для жителей Аютии многоголосый гомон. Даже прилавки с фруктами и рисом пустовали.

Под плач шелковых струн одинокой скрипки-сам саи, небольшая толпа кружила по рынку. В ней выделялись двое юношей в дорогих одеждах, богато расшитых яркими узорами. Их темные волосы были зачесаны вверх и скреплены золотыми кольцами в соответствии с рангом. На поясах, в простых ножнах из дерева и змеиной кожи покачивались длинные кривые мечи-краби, лишенные любимой молодыми бездельниками богатой инкрустации. Потертые рукояти выдавали в их владельцах опытных воинов, чье оружие не скучало подолгу без дела. Один из двух товарищей был необычно бледным и высоким для сямца,

другого отличало улыбчивое, простодушное лицо. Грустного молодого мужчину звали Рангсан, улыбчивого — Прая.

— До голода еще далеко, но время летит незаметно. Вчера я хотел купить свежих фруктов для Солады Май — но их уже в городе не отыщешь. — Пожаловался Прая, взвешивая на ладони сочный розовый плод.

Его спутник равнодушно посмотрел на опустевшие прилавки своими большими, выразительными глазами.

— Следует ввести запрет на торговлю рисом, изъять его и раздавать народу малыми порциями, — предложил он.

— Хорошая идея, но такие меры вызовут недовольство среди многих горожан.

Рангсан заплатил торговцу, расплывшемуся в чернозубой улыбке.

— Пусть лучше паника, чем это безразличие, — заметил Рангсан, не улыбнувшись в ответ.

Печальный юноша был прав. Когда жители Аютии увидели у стен своего города бирманские знамена, они не разразились воинственными криками, не зашлись громким плачем и мольбами. Вместо этого город впал в апатию. Равнодушие его жителей к своей судьбе вместе с неотвратимо пустеющими прилавками пугало сильнее вражеских солдат и пушек.

— Ты покупаешь фрукты для Солады Май? — заметил Рангсан. — Все-таки что вас связывает? Я слышал, ты уже несколько недель ночуешь в ее доме.

— Не хочу распускать слухи, но, похоже, она всерьез решила выйти за меня замуж, — похвастался Прая. — Для вдовы она молода и красива, а женщина одна не может содержать дом.

— Она успешно содержит дом, — белолицый красавец закатил глаза. — Весьма развратный дом, к тому же.

Ухмылка Прая стала беспомощной.

— Тебе тоже стоило бы навестить нас, — предложил он, стараясь скрыть смущение.

— Возможно, — неожиданно согласился его серьезный собеседник.
— Если ты приглашаешь...

Рангсан бросил оставшиеся деньги музыканту.

— Что ты делаешь?.. — изумленно спросил Прая. Его друг никогда не слыл богачом.

— Этот хлам скоро ничего не будет стоить, — Рангсан взвесил на ладони последнюю монету. — Лучше избавиться от денег сейчас. Скоро этот металл сгодится только на наконечники стрел.

Музыкант слушал их, не отрываясь от своего инструмента. На его сосредоточенном лице не отразилось ни возмущения, ни страха. Только мелькнула неживая улыбка, когда деньги звякнули у его ног.

— Аютией правит обреченность, — меланхолично пробормотал Рангсан, — правителю следовало послушать генерала Сина и оставить город.

Прая кивнул. Он хорошо помнил день, когда девараджа — божественный повелитель свободных земель — собрал своих приближенных, чтобы обсудить предстоящую войну...

...Тронный зал Большого Дворца был полон. Ярко одетые титулованные аристократы, чиновники и сановники в остроконечных белых шапках, военные в алых мундирах и сверкающих стальных кирасах, все распластались на полу и замерли в ожидании.

Сидящий на троне человек казался крошечным и беззащитным. Несмотря на то, что трон был расположен на возвышении, и никто из подданных не смел поднять глаз, девараджа выглядел смущенным и напуганным. Он явно не привык к присутствию стольких людей в святой святых его обители.

Владыка Аютии — Прабат Сомдей Пра Чао Ю Хуа Бороморача Пятый, также известный как Сурият Амарин — был затворником и крайне неохотно вершил государственные дела, предоставляя это своим доверенным советникам и генералам.

Сейчас, однако, он не мог оставаться в тени. Глядя на пеструю толпу, которая от его имени управляла государством, Сурият впервые в жизни в полной мере ощутил величайшее бремя и величайшую силу, которую олицетворял правитель Аютии. Поколения его великих предков унаследовали эту святость от древних владык Ангкора, чьи памятники поглотила земля, а имена помнили лишь камни разрушенной древней столицы. Забыть об этом ореоле осязаемой власти было непросто даже сейчас, когда воины вместо мечей и доспехов носили ружья и алые мундиры, а вокруг столицы развевались «павлиньи» знамена бирманской армии...

В дверях показался посланник. Он передвигался на коленях, опустив голову и держа в вытянутых руках золотое блюдо, на котором лежал свиток грубого пергамента. Медленно перебирая ногами, слуга миновал вельмож, неподвижно лежащих на полу с вытянутыми вперед руками, и остановился перед тронном.

Сурият взглянул на лежащее у его ног послание и небрежно пошевелил рукой. Один из чиновников, скорее почувствовав, нежели увидев это движение, резко разогнулся и проворно подскочил к трону. Как и всем дворцовым слугам, ему было не привыкать ходить, не разгибая спины. Развернув свиток, он начал читать хорошо поставленным, звучным голосом.

Прибывшие на аудиенцию люди подняли головы и сели, выпрямив спины. Как и другие вельможи, пожалованные высоким титулом, Пряя Нок сидел рядом с тронным возвышением — во втором ряду. Отсюда он

мог хорошо видеть лицо короля Аютии и то, как он принял безрадостные вести.

Синбьюшин Конбаун, читал чиновник, правитель великой Бирманской Империи, призывает сдать столицу, и напоминает о судьбе городов, которые посмели противиться его воле. Он обещает милосердно пощадить женщин и детей и не подвергать столицу разрушению, если ворота будут открыты до заката. В завершение он объявляет, что его вторая армия, задержавшаяся в пути, вскоре прибудет. А в подтверждение своих слов шлет этот написанный кровью бунтовщиков пергамент, из кожи, снятой со спины их вожака.

Аютии ждать помощи неоткуда...

Лицо Сурията Амарина не изменилось. Его глаза смотрели ровно и прямо. Лишь выбившийся из безупречной прически непокорный черный локон колебался в такт взмахов опахала. Девушка, прислуживающая священному владыке, равнодушно смотрела себе под ноги, продолжая сжимать золоченую рукоять опахала. Прая задумался, понимает ли она смысл зачитанного послания, или это просто красивая кукла? Понимают ли генералы, другие присутствующие в зале? Понимает ли сам девараджа?..

Ему стало нехорошо от этих мыслей, и глазами он постарался отыскать Рангсана, но его друг сидел далеко от трона.

— Я желаю слышать, что скажут мои генералы, — тихий голос Сурията прорезал тишину, как нож — шелковую ткань. — Пусть выскажется Син, правитель провинции Так, который доблестно сражался с бирманцами на северных границах нашего королевства...

Худощавый мужчина с жесткими чертами лица поднялся и заговорил. Известный генерал из «Города Вдов», которому титул Пхра-йя был пожалован за высочайшие заслуги. Он защищал свою провинцию столь яростно и отважно, что ее название стало его прозвищем.

Столичные чиновники и аристократы недолюбливали отважного генерала. Отец Так-Сина был выходцем из Великой Дзийнь, и во внешности его сына было больше от уроженцев Срединной Равнины, чем от смуглых, ловких и проворных «коричневых» сиамцев.

— Я против обороны, — резко сказал Син. — Мы не сумели остановить бирманцев на подступах к городу, и теперь они сожмут кольцо осады. Ваше величество, вы должны поступить мудро — уступите дорогу разъяренному слону. Пусть бирманцы грабят Аютию...

Слова генерала утонули в поднявшемся негодующем ропоте. Он терпеливо дождался, пока шум утихнет, ничем не выдав своего недовольства столь вопиющим нарушением этикета.

— Враг задержится, чтобы собрать добычу и отрядит часть своих людей перевозить трофеи в Бирму. В это время мы сможем собраться с силами. Если мы покинем столицу и двинемся на юг, туда, где еще не прошли бирманские войска, клянусь вам — за девять месяцев я соберу армию из жителей тамошних городов и деревень!

— Лживый дзийнский выродок, — прошипел один из аристократов.

Син побелел от сдерживаемой ярости. Он поклонился правителю и сел на свое место.

Покинуть город — правильное решение, и храброе, сколько бы ни отрицали это противники Так-Сина. Когда бирманцы только вторглись в страну, сжигая и уничтожая все на своем пути, большинство жителей и королевские войска бежали, чтобы найти укрытие за крепкими стенами столицы. Они предпочли оставаться в Аютии и ждать, пока неприятель осушит реку или соорудит мосты.

Все, кто был достаточно храбр, чтобы сразиться с врагом в поле — мертвы. В городе остались не герои, готовые до конца защищать себя и своих родных, но трусы, которые желали любой ценой продлить свои жалкие жизни хотя бы на день.

Прая сжал кулаки.

«Я такой же трус, — напомнил он себе, — я ведь тоже здесь...»

— Что скажут другие генералы?

Генерал Монгкут — один из ярких сторонников обороны, поднялся, гордо вскинул голову, и важно начал говорить. Его голос был ломким и срывался на крик, но речь произвела на других присутствующих сильное впечатление:

— Семь лет назад, когда вероломный байин Алаунгпай привел под стены Аютии свое войско, нам казалось, что нет надежды на спасение! Но духи, хранящие наш город, наслали на бирманского варвара дурные сны и видения. От злости он сам решил стрелять в наш священный город, но пушка разорвалась и убила самоуверенного наглеца! Будда, Гаруда и духи даруют нам свою защиту, покуда мы праведно живем в соответствии с законами дхармы!

— В таком случае нам нужно немедленно вышвырнуть Монгкута и прочих трусов за городские стены, — проворчал Так-Син. — Иначе не видать нам божественной защиты.

— Ваше величество, прикажите казнить негодяя!

— Прикажите отрубить мне голову, только не заставляйте выслушивать льстецов и подлецов, обосновавшихся у вашего трона, — храбро выкрикнул Син.

Король резко взмахнул рукой, заставив спорщиков замолчать.

Сурият осознал, как много крови пролилось за прошедшие семь лет у подножья его трона. Не потеряла ли Аютия право на божественное покровительство? К тому же нынешний бирманский байин не столь самонадеян, как его отец — он не командует армией лично и уж точно не станет стрелять из пушки.

— Я собрал вас здесь не для того, чтобы выслушивать нелепые споры, — тихо, устало произнес Сурият. — Я надеялся, что опасность сплотит людей, которым я доверил будущее государства. Я ошибался.

Король прикрыл глаза ладонью. На его неподвижном, бесстрастном лице впервые за время аудиенции застыло выражение отчаяния и скорби. Но вот он вновь овладел собой, вернул руку на подлокотник трона и взглянул на своих подданных.

— Оставьте меня. Я желаю говорить с Анри Карре, — сказал Сурият Амарин.

Он говорил про иностранца, полномочного представителя короля Людовика Пятнадцатого. Авантюрист Анри Карре и пятьдесят человек его охраны обосновались в малом дворце Санпхет Прасат. Их присутствие в Аютии должно было держаться втайне от простонародья, но никакая сила не могла удержать распространяющиеся слухи...

Титулованные господа, не вставая с колен, поползли прочь из тронного зала, будто разноцветные гусеницы. Но даже строжайшая традиция, три сотни лет управляющая жизнью в Большом Дворце, не смогла сдержать недовольный шепот. Нога западных варваров не ступала на свободные земли со дня смерти короля Нарай. Возобновив с ними переговоры, Сурият Амарин пошел против воли своих предков.

...Прая оглянулся на городские стены, сквозь темные зубцы которых пробивался свет восходящего солнца.

— Ты действительно считаешь, что надежды нет?

— Помнишь, как детьми мы вместе играли на руинах Ангкора? — Рангсан не хотел отвечать. Он всегда избегал ответа, который мог расстроить старого друга.

— Конечно...

— Три дворца, четыре сотни храмов, двадцать четыре укрепленных крепости, богатейшие рынки и пышные резиденции зажиточных

торговцев, — перечислил Рангсан. — Аютия — наша столица и гордость. Никто не верит, что все это может сгинуть. Но каждый раз, когда я думаю о нерушимости Аютии — я вспоминаю Ангкор.

Ангкор, Ангкор! Город, некогда громадный, некогда великий, некогда столица Империи. Прая прикрыл глаза и словно вновь увидел древние стены из песчаника, покрытые трещинами и увитые лианами, разрушенные дворцы, храмы и монументы, наполовину скрывшиеся в земле и буйной растительности.

— Ужасно.

— Напротив, — заметил Рангсан, — Ангкор всегда казался мне прекрасным. Он погиб на пике славы, избежав увядания и медленного, отвратительного разложения.

— Ты слишком мрачен сегодня, — Прая мечтательно улыбнулся. — Итак, вечером я планирую нанести визит Соладе Май. Бедняжка застряла в городе и страдает от скуки. Мы можем рассчитывать на твое присутствие?

— Не смогу, — коротко ответил Рангсан. — Его величество желает, чтобы я... участвовал в сегодняшнем военном совете.

— Затеваается что-то важное?

Прая прикоснулся к рукояти сабли.

— Кто знает? — уклончиво ответил его друг. — Желаю тебе славно повеселиться!

2

С веранды доносилась тихая, грустная мелодия. Одна из учениц хозяйки дома играла на традиционном женском инструменте, который сямцы называли тьякау.

Подперев голову рукой, Прая лежал и смотрел на силуэт женщины, темнеющий на фоне серебряной воды. Аютия была пронизана искусственными каналами и водоемами. Ночью они освещались светом луны и многочисленных бамбуковых фонариков. От плавающих по рукотворному озеру лодок доносилось тихое пение. Стрекотали цикады. У воды мелодично, как цимбалы-чинга, трещали лягушки.

Прая бережно взял чашечку с рисовой водкой и осушил ее. Прозрачная жидкость с легким привкусом змеиной крови обожгла горло. Он поставил крохотный керамический сосуд на стоящий у ложа поднос и перевернулся на спину. Некоторое время он лежал неподвижно, чувствуя, как растекается по телу приятное тепло.

Комната тонула в ароматном дыму агарбатти, которые медленно тлели в керамических курильницах, источая запах сандала. Медленно и грациозно к нему приблизилась женщина. Прая лениво потянулся и налил себе еще из маленького, эмалированного в синих цветах кувшинчика. Выпил, «чтобы птица пела». Женщина наклонилась над ним, заглядывая в глаза. На ее лицо легла тень, отбрасываемая приоткрытыми решетчатыми дверями.

На веранде струны зазвенели все сильнее, дрожа под умелыми, тонкими пальцами.

— Как жаль, что вы сегодня один, — шепнула Солада Май, обжигая его ухо горячим дыханием. — Увидеть бы, наконец, вашего друга.

— Рангсан не может отлучиться без разрешения девараджи.

— Говорят, вы с ним неразлучны, — она сверкнула озорными глазами.

— Мы вместе учились в монастыре, — кивнул Прая.

Он вспомнил небо, всегда в сезон дождей серое, затянутое густыми тучами. Вспомнил одинокую ступу монастыря, выстроенную из песчаника, который местные жители брали на руинах.

Прая был послушником не более трех лет, но эти детские воспоминания значили для него больше, чем годы службы Аютии, принесшие высокий титул дворянина. Казалось, что века истории древнего Ангкора прибавляли значимость каждому дню, проведенному среди останков некогда величественного города. Эта история, теперь едва различимая в истершихся письменах на треснувшем камне, способна была затмить полные живых страстей дни радости, любви и войны.

То был странный мир, в котором мертвые возвышались над живыми, затмевая их, как тень громадной статуи затмевает цветущие у постамента яркие цветы. Рангсан и Прая учились в монастыре более десяти лет назад, но ему казалось, что это было только вчера.

— Вам следует пригласить его в следующий раз.

Прая кивнул.

Ладони Солады легли на его крепкую, мускулистую грудь. Струны тьякау на веранде взвыли, их пение сделалось громче, не замолкали лягушки, в ночное небо били струи фонтанов.

...Прая проснулся, когда солнечные лучи прикоснулись к его лицу. Он открыл глаза. По выбеленной стене над его головой, неторопливо перебирая лапками, двигался крошечный геккон.

Прая оделся и вышел из дома. Вода в каналах, расходящихся от центрального водоема дворцового комплекса, была спокойной и кристально-чистой. Солада Май и ее служанки завтракали в небольшом павильоне красного дерева. При виде знатного гостя они поклонились, коснувшись лбами начищенного до блеска каменного пола. Прая кивнул женщинам и присоединился к ним, заняв место на свободных подушках.

Солада тут же наполнила стоящую перед гостем пиалу. Янтарная жидкость, заструившаяся из кувшина, ярко блеснула на солнце. Прая сделал глоток, зажмурился от удовольствия и огляделся. Среди красот, окружающих дом, он вдруг заметил неподалеку от павильона одинокую

девушку. Она склонилась над приземистым глиняным домиком духов. Ее необычная внешность поневоле привлекала глаз. Кожа незнакомки была удивительно белой, как солнце в зените, а длинные, струящиеся по плечам волосы поблескивали багряным золотом. В руках она держала небольшую тарелку, на которой были разложены лакомства. Тонкими руками она по одному перекладывала их в темное нутро жилища духов. Прая отвел взгляд.

— Это моя новая служанка, — пояснила Солада смутившемуся гостю. — Она родом из маленькой страны к западу от Великой Дзийнь.

— Как ее зовут? — спросил Прая.

— Сама она не говорила. Мы прозвали ее Мали.

Цветок. Красивое имя. Красивая девушка. Ее лицо сияло на фоне рукотворных каскадов воды, переливающихся на ослепительно-ярком утреннем солнце крохотными радугами. Светлым цветом кожи она приятно напоминала Рангсана. Может быть, его мать тоже была родом из западной Дзийнь, а вовсе не из Бирмы, как шептали недоброжелатели?..

— Мали, — он улыбнулся приблизившейся красавице. — Прошу вас, присаживайтесь. У меня есть друг, который непременно захочет с вами познакомиться.

«Рангсану она обязательно понравится, — решил Прая. — Он слишком замкнут, и дворянки Аютии его не привлекают. Быть может, светлокожая простолюдинка согреет его каменное сердце?»

Прозванная цветком обворожительно улыбнулась.

— Я буду счастлива оказать вашему другу такое же почтение и внимание, как оказала бы вам, — у нее был приятный голос с едва уловимым акцентом.

Солада собирала вокруг себя прекрасные вещи: посуда, дом, фонтаны, эта девушка...

— Моим вниманием всецело завладела ваша госпожа, — Прая перевел взгляд на хозяйку дома, Мали засмеялась, и тут же прикрыла личико руками.

— Простите, — потупившись, пробормотала девушка.

— В чем дело? — улыбнулся юноша.

— Мне не следовало... — она покраснела. — Вы, должно быть, ужасно расстроены...

Солада Май недовольно посмотрела на свою новую служанку.

— Что должно меня расстроить? — Прая удивился неожиданному повороту любезного разговора.

— Кун Ланг Рангасан Даенг Бплор, — она назвала полное имя Рангсана. — Он ведь ваш близкий друг?

— Да.

Прая почувствовал, как отвратительный холод разливается по телу.

— Мали!! — прикрикнула Солада.

— Что с ним?

Девушка замолчала и покосилась на хозяйку. Прая перевел взгляд на Соладу, ее лицо тотчас помрачнело — в глазах возлюбленного больше не было тепла.

— Он поехал на переговоры с бирманцами... — нехотя ответила женщина.

— И давно вам об этом известно? — очень тихо, осторожно спросил Прая.

— Да, — спокойно ответила женщина. — Я не хотела беспокоить вас. Тем более что вы ничего не сможете изменить.

«Не хотела, чтобы я видел смерть друга».

Прая понял значение вчерашнего волшебного вечера. И душные благовонии, и тьякау в руках красавицы Мали, и требовательные ласки

возлюбленной — все было подстроено, чтобы отвлечь его. Потому что Прая никогда не позволил бы своему другу рисковать в одиночку.

— Бедняжка, ведь всех послов наверняка убьют... — прошептала Мали перед тем, как Прая нашелся, что ответить.

Молодой аристократ дернулся, резко, как от удара.

— Мали! — во второй раз повысила голос Солада, которая славилась своей манерностью и выдержкой.

Он вскочил с ложа, подхватив меч.

— Кун Пра, куда вы?..

Прая выбежал из дома, не обратив внимания на мольбы хозяйки, убеждавшей его остаться. Он побежал по безлюдным улочкам к городским воротам.

«Только бы успеть! Только бы успеть!»

Он выбежал на центральную улицу и тут же столкнулся с группой всадников. Впереди отряда, в черном панцире из железа и вареной кожи, в эмалированном, богато украшенном шлеме ехал Рангсан. В руках он держал короткое позолоченное древко, на котором трепетал алый королевский штандарт с белым слоном. Прая, задыхаясь после долгого бега, едва не бросился под копыта его лошади.

— Вижу, тебя все-таки предупредили... — Рангсан грустно улыбнулся.

— Они убьют тебя! — Прая схватился за ногу друга, продетую в стремя. — Неужели ты не можешь убедить отца послать кого-нибудь другого на переговоры?!

— Разве я женщина, чтобы прятаться за спинами мужчин? — возмутился Рангсан. — Не волнуйся! Бирманцы ничего не добьются, убив меня. Да и в наших стенах по мне никто горевать не станет.

— Не говори так, — Прая сильнее сжал его ногу.

— Отпусти меня, — попросил Рангсан, — иначе люди могут подумать, что ты мой слуга.

Прая нехотя подчинился.

Звякнули колокольчики, повязанные на пястях темно-рыжей лошади. Прая проводил его взглядом, дождался, пока за удаляющимися всадниками закроются городские ворота, и, опомнившись, поспешил на стену, чтобы оттуда наблюдать за переговорами.

Он перегнулся через теплый красный камень гребня городской стены. За узкой полоской грязной реки уже выстроились в боевые порядки бирманцы. Сотни ярких знамен и вымпелов реяли над их головами. На некоторые флажки были насажены отрубленные головы: так бамар поступали с пленными.

Ряды блестящих металлических щитов, украшенных хищными мордами, покачивались в руках солдат и играли на солнце яркими огненными бликами, как свора демонов, сошедших со страниц книги «Писатпакарнами».

Бирманцы на плотях переправили своих послов через реку. Они разбили большой багрово-синий шатер недалеко от города. Пушки, аркебузы и мушкеты могли легко превратить яркий шелк в изодранное тряпье, но Аюття молчала. Ни одна пуля не была выпущена в сторону противника, который суетился в тени городских стен.

Послов Аюттии встретили недалеко от временного лагеря. После коротких приветствий они спешили. Сердце Прая замерло, когда он увидел поблескивающие на солнце острия бирманских копий. Однако никто не проявлял намерения предательски убить послов. Глашатай, развернув длинный пергамент, принялся читать. До городских стен и собравшихся на них защитников города долетели лишь его первые слова, которые бамар громко пролаял, как собака:

— Байин Синбьюшин из рода Конбаун, великий правитель благословенной Империи...

Прая не нужно было слушать дерзкие речи, чтобы узнать их содержание. Бамар снова требовали сдать город и обещали пощадить его жителей, если те проявят покорность.

В истинных намерениях «павлинов» никто не обманывался. Когда их армии только ворвались в беззащитную страну, ослабленную неразумным правлением и смутой, целые города переходили на сторону врага в надежде на лучшую жизнь под владычеством восточного соседа. Бамар угоняли «коричневых» жителей Сиама в рабство, грабили храмы и ставили на покоренных землях своих наместников, жестокость правления которых превосходила даже насилие, которое чинили войска завоевателей.

...Казалось, ожидание продлится вечно. Бамар читал, Рангсан молча слушал. Вымпелы, повязанные на древках копий, развевались на ветру. Прая замер, не отрывая взгляда от высокой худощавой фигуры своего единственного друга. Он уже почти хотел, чтобы сверкающий наконечник копья вонзился в грудь Рангсана и алая, как знамена Аютии, кровь брызнула на зеленую траву. Эти ужасные мысли были лучше бесконечного ожидания.

Наконец, глашатай закончил читать и жестом пригласил Рангсана зайти в шатер.

— Не слушай их! — выкрикнул Прая.

Другие зрители сочувственно посмотрели на него — о близкой дружбе Прая и Рангсана было известно среди защитников города. Ветер не донес до Рангсана предупреждения. Он кивнул, расправил плечи и скрылся в шатре, куда следом вошел бирманец. К горлу Прая подступила тошнота. Он ясно представил все сцены пыток, которым бамар подвергали пленных. Опустив голову, юноша уткнулся лбом в теплый камень городской стены.

— Возвращаются!

Рангсан, невредимый, стоял возле своей лошади. Он махнул рукой бирманскому послу, ловко запрыгнул в седло и, сопровождаемый эскортом, направился к городским воротам. Сердце Прая готово было разорваться. Он резко распрямился. Вновь пронеслись под ним многочисленные ступеньки, ворота открывались...

Рангсан, предвидя встречу, вел своего коня под уздцы. Он устало отмахивался от приветствий.

— О чем вы говорили? — спросил Прая, сдерживая желание обнять друга.

— Вряд ли ты услышишь от меня что-то новое или неожиданное, — проговорил Рангсан. — Я передал решение девараджи, в ответ они угрожали начать штурм.

Прая кивнул.

— Мы ведь не сдадим город, правда?

На губах друга впервые за месяцы осады заиграла настоящая, живая улыбка.

3

...Следующим утром бамар пошли на штурм. Пушечные выстрелы согнали белых аистов, свивших гнезда на остроконечных чедях храма Чай Ваттанарам. Столица ожила, отражая нападение. Прая метался по стене, подбадривая воинов и помогая им заряжать орудия.

Но всего несколько часов спустя все закончилось: бамар отступили за реку. Утихли победные крики восторженных защитников, рассеялся дым... Покров равнодушной обреченности вновь опустился на город.

Прая нашел своего друга у южных ворот. Рангсан сидел, прислонившись спиной к стене. Он распустил прическу, и длинные черные волосы падали на мокрое лицо, перемазанное копотью.

— Мне даже жаль, что они прекратили штурм, — пожаловался он.

— Это была вылазка. Они снова будут атаковать — мы снова отобьем их, — пообещал Прая.

Рангсан заметным усилием заставил себя подняться, усталость и старые травмы давали знать о себе — его хромота была заметнее обычного. Мимо них пронесли раненного. Из его ноги, пробитой вражеской пулей, хлестала кровь.

— С каждым днем людям все труднее пробуждаться от дурного сна, в который превратилась их жизнь, — сказал Рангсан. — «Пусть бирманцы скорее возьмут город, тогда все закончится...», — шепчут на стенах солдаты. Никто из них не верит в нашу победу.

Усталые горожане спускали на веревках развороченную пушку, другие вытирали кровь — красную на красном камне стен. Медленно, как в забытьи, исхудалый юноша в изодранной одежде собирал стрелы. Левой рукой он прижимал к себе уже целую охапку. Остановившись рядом с трупом солдата, он стал равнодушно вытаскивать стрелу, застрявшую у того в груди. Прая отвернулся и нахмурился, на его крутых скулах заходили желваки.

— Они будут морить нас голодом. Вслед за безразличием и увяданием неизбежно приходит смерть, — произнес Рангсан и добавил. — Лучше бы Аютии погибнуть в бою... Город напоминает покойника, которого не предали огню. Еще немного и он начнет гнить. Можно ли считать убийцей того, кто подносит факел к погребальному костру?..

— Разве Аютия увядает? — удивился Прая. — Ты считаешь, что наш прекрасный город сгнил? Напротив, его храмы великолепны, рынки и улицы полнятся людьми. Всюду движение, всюду жизнь!

— Город умирает, — безжалостно отрезал Рангсан. — Пройдут дни осады, и неизбежно остановится поток жизни, которым ты восхищаешься. Не лучше ли погибнуть в зените силы и славы, чем ждать медленного конца? Смерть в расцвете сил оплакивается как тяжелая потеря, но лишь она дарует подлинное бессмертие.

— Разве смерть может даровать бессмертие? — улыбнулся Прая.

— «Истинно разумный человек покидает этот мир, побеждая смерть».

Его друг любил загадки и афоризмы. Умение играть словами, которым Рангсан обладал в полной мере, не раз приводило в восторг учителей. Но Прая давно отчаялся понять, верит ли сам Рангсан хотя бы в часть тех страшных истин, которые он открывал с такой беспечной легкостью.

— Разумеется, — вот и сейчас он сохранял безразличие к смыслу своих слов, — смерть означает конец существования, а бессмертие — переход к новой форме бытия. Для этого превращения нить жизни неизбежно должна оборваться...

— Но как ты можешь знать, что твоя смерть примет ожидаемую форму? Тысячи людей гибнут ежедневно в забвение — и далеко не все умирают дряхлыми стариками.

— Это определяется тем, какой именно смертью ты умрешь.

— Боюсь, наш старый учитель не одобрил бы подобные разговоры, — усмехнулся Прая. — Ты предлагаешь достичь пробуждения через смерть вопреки всяким канонам.

— Вот как? — хмыкнул Рангсан. — Но ведь я говорю именно о смерти, которая служит доказательством бытия. Мое просветление достигается через мгновение наивысшего страдания, доступного людям. Это страдание — гибель в момент расцвета.

— В твоих рассуждениях есть серьезный изъян, — довольный своей догадкой, Прая улыбнулся. Ему не часто удавалось противостоять доводам Рангсана. — Ощущение этого страдания будет искажено тем, что ты жаждешь его, как все живые существа неосознанно тянутся к просветлению. Блаженство осознания близости нирваны затмит для тебя момент наивысшего страдания.

К его удивлению, Рангсан легко согласился.

— Что ж, значит, я еще не заслужил нирваны.

— Как насчет визита к Соладе? — подмигнул Прая. — Его ты заслужил?

— Да... визит к Соладе Май — это как раз то, что мне сейчас нужно.

4

Они встретились поздним вечером у храма Махатат. Прая сменил грязный мундир на просторные зеленые одежды, Рангсан щеголял в золотом кафтане, расшитом распускающимися лотосами.

Обменявшись короткими приветствиями, друзья направились к дому Солады Май по широкой пустынной улице, протянувшейся вдоль внутренней стены, за которой располагался Большой Дворец. Заморосил теплый ночной дождь, который в это время года мог легко перерасти в ливень. Рангсан предложил укрыться под кровлей окружающих Махатат храмовых построек. Они остановились под широкой крышей одного из приземистых зданий. Тяжелые капли срывались с черепицы и разбивались о землю с мелодичным звоном. Статуи львов и птицелюдей-кинар вокруг храма почернели от воды.

— Ты слышишь? — внезапно спросил Рангсан.

Прая поднял голову, оторвавшись от созерцания блестящих струй вечернего дождя.

— Голоса, — подтвердил он. — И топот ног. Солдаты маршируют.

Друзья обошли свое укрытие, и вышли на небольшую прямоугольную площадку. Там, не обращая внимания на ливень, маршировали королевские гвардейцы. На высоком деревянном пороге, свесив ноги, сидел француз.

Он был совсем не похож на изображения фаранг, которые Прая видел на мемориальной плите у могилы старого девараджи. Вместо причудливой пышной прически — коротко стриженные светлые волосы, пучки волос на скверно выбритых щеках. От некогда богатой одежды остались только высокие черные сапоги и пестрящий заплатками суконный мундир с золотыми галунами.

Чужеземец занимался тем, для чего его прислали в Аютию — готовил войска. Двадцать человек из числа дворцовой стражи маршировали под проливным дождем, держа в руках длинные, тяжелые палки.

При виде гостей француз встал, отряхнув свои тайские штаны, слишком короткие, так, что между ними и голенищами сапог его ноги были голыми. При этом движении мокрый тяжелый мундир, наброшенный на плечи, едва не свалился на землю.

— Messieurs желают посмотреть à mon dressage militaire? — спросил фаранг на сносном пали, разбавленном громкими, визгливыми звуками его родного языка.

— Шевелитесь, шевелитесь, лентяи! — крикнул он остановившимся стражникам.

— Я Пранай Прая Нок, — представился Прая, приложив руку к груди.

— Мой друг, — он указал на Рангсана, — Кун Ланг Рангсан Даенг Бплон На Аюдхая.

— Na Ayudhya? — переспросил француз. — Mondemoiseau?..

Друзья обменялись непонимающими взглядами. Фаранг назвал титул Рангсана, как будто тот имел при дворе какое-то влияние.

— Вы напрасно теряете время, — раздался знакомый голос.

Генерал Син из провинции Так вышел из-за колонны и неприязненно посмотрел на долговязого француза, возвышающегося над сиамцами.

— Он ничего не знает о планах девараджи, — громко произнес Так-Син.

Генерал промок до нитки. Его лицо выглядело нездорово-бледным, а глаза были обведены темными пятнами от усталости и недосыпания.

— Мне жаль, что девараджа принял решение защищать город, — Пряя сочувствовал храброму генералу. У Так-Сина было много общего с Ранганом, оба были наполовину иноплеменниками, оба достигли своего положения благодаря заслугам, а не от рождения и снискали за это любовь народа и зависть чиновников.

Так-Син нахмурился.

— Скоро о решении девараджи пожалеют жители Аютии, — слова генерала переполняла желчь и вырвавшаяся злоба, которые ему приходилось скрывать изо дня в день.

Пряя невольно отступил на шаг назад.

— Что мы можем сделать? — неожиданно спросил Ранган.

Син удивился бы меньше, заговори с ним один из каменных кинар.

— Город обречен, — наконец промолвил он. — Если мы ничего не предпримем — нас поглотит эта обреченность.

Пряя заметил, как глаза Рангсана расширились от удивления, ведь Так-Син повторял его слова! Неужели это действительно столь очевидно и только он, Пряя, увлеченный молодой вдовой и прочими радостями жизни, не замечает царящего вокруг разложения?..

— Девараджа надеется на фаранг? — продолжил генерал. — Ха! Они не станут сражаться с нашими врагами. Когда Аютия падет, их помощь достанется Дзийнь и другим врагам бамар.

— Нам пригодится любая помощь, — напомнил Прая.

— Что чужеземцам до Аютии и Сиама? — с горечью в голосе спросил Син. — Они боятся бирманцев, но не потому, что те угрожают их родине. Фаранг понимают, что им сложнее будет справиться с сильной Империей, чем с разобщенными, воющими между собой странами. Я даже рад, что бирманцы побеждают!

Прая слушал генерала с ужасом, Рангсан — с нескрываемым любопытством. Фаранг Анри молча смотрел на спорящих сиамцев. Он потерял нить разговора, как только они перестали говорить на пали и перешли на свой родной язык.

— Я пытался убедить его отдать ружья, которые они привезли с собой, — Так-Син с ненавистью посмотрел на француза. — Но он отказался, сославшись на приказ девараджи. Их ружья лучше наших мушкетов, но из них будет стрелять только дворцовая стража, а не войска, защищающие городские стены.

Кулаки генерала сжались. Он с трудом сдерживался, чтобы не ударить ненавистного западного варвара.

— Генерал... — Прая стало жаль иноземца. — Этот человек выполняет свой долг.

— Мне стоило убить его за это.

Так-Син отвернулся.

— Я возвращаюсь к своим людям, — резко сказал он.

— Разве не вам доверили защиту дворца? — удивился Прая.

— Фаранг справляются с этим без моей помощи, — скривился генерал. — Трусливый Монгкут возглавил оборону стен. Я ошибся, исполнив приказ девараджи вернуться в столицу...

Он зашагал прочь.

— Что с ним? — осведомился Анри.

— Ему просто надоело собирать плевки, — Прая попытался улыбнуться.

— Так-Син привел в город пять сотен верных только ему солдат...
— напомнил Рангсан. — Возможно, что это девараджа поступил недальновидно, запретив ему покидать город.

Удаляющийся генерал шлепал по лужам. Дождь не останавливался.

5

Прая спал. После кровавой перестрелки и безрадостных разговоров он ожидал увидеть во сне мрачную тень Ангкора, но память, искаженная кривым зеркалом сновидений, вернула его в радостный и безмятежный день юности.

...Фехтовальщики приветствовали друг друга церемониальными поклонами. Под звуки флейты соперники разошлись, покачиваясь и приподнимая согнутые в коленях ноги, как бойцовые петухи. По левую сторону арены возвышался стройный красивый Рангсан, еще совсем мальчик. Справа от него стоял сутулый, с мощными руками и кривым лицом опытный рубака. Прая никогда так и не узнал, почему девараджа выпустил этого убийцу против собственного незаконнорожденного сына. Возможно, Сурият хотел смерти Рангсана, чтобы не пришлось возиться, пристраивая его при дворе.

Девараджа, возлежащий на пышном ложе у края арены, взмахнул рукой. Флейта протяжно запела — и бойцы бросились друг на друга, будто сорвавшись с незримой цепи. Противник Рангсана успел сделать не более трех выпадов. Легко отразив его атаку, юноша подпрыгнул и нанес сокрушительный удар, повалив соперника на землю. Короткие парные

сабли сверкнули у лица поверженного воина, принуждая его бросить оружие и признать поражение.

— Нарсуан! Нарсуан, возрожденный! — загалдели зрители.

Рангсан вбросил мечи в ножны. Он даже не вспотел. Игнорируя всеобщий восторг, мальчик направился к краю арены, где его ждал дрожащий от волнения Прая.

Рангсан никогда не поддавался лести. Чиновники и мелкие дворяне в незначительных рангах, зная о родстве бледного мальчика с девараджей, без устали льстили ему в глаза и сплетничали за спиной, распуская отвратительные слухи, о том, что он наполовину бирманец. Мать Рангсана родом была из западной провинции Маеронгсон, где смешанные браки давно перестали быть редкостью. Бирманка или нет, она подарила сыну внешность, разительно отличающуюся от меднокожих жителей Аютии, он унаследовал ее бледность, угольно-черные волосы и большие печальные глаза.

Несмотря на то, что Сурият не признал Рангсана своим законным сыном, после этого боя он настоял, чтобы с ним обращались, как с младшим членом королевской семьи. Чиновники шептались, что владыка полюбил бирманского мальчика, но Прая не знал человека более преданного Аютии, чем Рангсан Даенг Бплон...

— Кун Пра! Проснитесь, прошу вас. Мне страшно!

Убедившись, что гость проснулся, Мали убрала руку и упала на колени.

Прая протер глаза. Было раннее утро. За приоткрытой дверью светлело предрассветное небо, озаренное бледным пламенем восходящего солнца. Солнца?.. На юге?! Он рывком сел на кровати.

— В чем дело?

— Пожар! — Мали указала на далекое зарево. — У южных ворот.

— Где Рангсан?

Мужчина поднялся с кровати и начал быстро одеваться.

— Ваш друг ушел задолго до рассвета...

— Солада?

— Госпожа просила разбудить вас и идти к вату Махатат...

Храмовый комплекс был расположен за внутренними стенами, окружающими старый город и Большой Дворец. Солада верно рассудила, что переждать опасность — будь то пожар или штурм — лучше там.

Прежде чем Прая успел опомниться, сквозь распахнутые ворота во внутренний дворик особняка ворвался всадник. Он остановился перед крыльцом дома, лошадь затанцевала по цветочной клумбе. Выругавшись, Прая выбежал ему навстречу, на ходу подпоясываясь ножнами с мечом.

— Бамар в городе! — увидев юношу, прокричал всадник. — На стенах продолжается бой, но врагам удалось захватить южные ворота. Их войско уже хлынуло в город. Защитники отступают к Большому Дворцу. Садитесь, Пранай, я отвезу вас.

Прая наконец понял, что за пугающий гул он слышал. Это был топот ног. Выбора не было — он забрался в седло позади офицера. Пранай, ха! Если бы в обмен на титул можно было оживить погибших людей или вооружить уцелевших...

Где сейчас Рангсан? Счастлив ли видеть, как в очистительном огне рождается новый Ангкор? Или лежит с грудью, пронзенной стрелой или простреленной пулей? Прая запретил себе думать, что его друг мог погибнуть.

— Вас застали врасплох? — спросил он, чтобы отвлечься. — Что произошло?

— Предательство! — выдохнул офицер. — Бирманцев впустили...

— Ворота открыли? Кто?..

— Я не знаю.

Они подъехали к баррикадам, которые спешно сооружали защитники дворца. Гвардейцев и солдат, сосредоточенных в сердце города, уже предупредили об опасности. Прая заметил фаранга Анри и его людей. Похоже, иноземец принял командование гвардией.

Пранай спешился.

— Где генерал Так-Син? — спросил он.

— Я думал, он с вами, — фаранг нахмурился. — Господин Прая Нок, все аристократы во дворце или на стенах. Вы ведь Пранай, приближенный к королю?..

Пранай... без земли, подданных и солдат. Нелепый титул, пожалованный в неподходящее время. Но командовать, как старшему по положению, выпало ему. Прая глубоко вздохнул и вышел перед шеренгой готовых к бою воинов.

— Предатели отдали врагу стены, — закричал он. — Но мы не отдадим им дворец. Бамар войдут в Аютию только по дороге из трупов. Пусть же эта дорога будет устлана телами их солдат!

Гвардейцы ответили дружным ревом. По иронии судьбы они не были сيامцами. Большинство из них были потомками изгнанных из Ямато воинов, присягнувших правителю Аютии, и даже спустя столетия безумная отвага и безоговорочная преданность, присущая их народу, брала верх над страхом. Прая не отказался бы от родства с Ямато — ему было страшно.

Фаранг Анри одобрительно зарычал, поднял ружье. Его примеру последовали остальные стрелки. Начищенные стволы, подрагивая, уставились на приближающихся бирманцев. Прая вышел на шаг вперед. Мимо просвистела стрела. Он не дрогнул, рванул из ножен саблю, вскидывая ее к серому утреннему небу. Огни громыхнувших выстрелов сверкнули, отразившись в зеркальной стали. Приближающиеся враги на миг скрылись в густом облаке свинцового дыма. Первые ряды атакующих

были сметены огненным шквалом, но этого было недостаточно, чтобы остановить несущуюся волну.

Стрелки бросили ружья и схватились за мечи. Один из французов упал на колени, двумя руками подняв над головой ружье — то ли сдаваясь, то ли пытаясь защититься. Удар бирманской сабли сломал винтовку, повалив его на землю. Вдоль стены, отделяющей Большой Дворец от объятых пожарами города, закипело сражение.

На Прая налетел бирманский солдат. Пуля разорвала его щеку — белая одежда была залита кровью. Безобразная рана привела врага в бешенство. Он накинулся на юного аристократа, и некоторое время они обменивались ударами посреди бушующего вокруг хаоса.

Напирающие бирманцы упорно теснили защитников дворца. Рядом прозвучал еще один слитный залп. Люди Анри и обученные им гвардейцы стреляли метко — мушкеты бамар редкими вспышками грохотали в ответ из охваченных дымом улиц. О камни мостовой ломались выпущенные наугад стрелы.

— Уходим за стены! К дворцу, скорее! — приказал Прая.

Тонкая линия алых солдат, столкнувшаяся с полчищами белых, как древесные жуки бирманцев, подалась назад.

Прая разрядил пистолет в оскалившегося вражеского знаменосца. Взметнулся и упал на землю стяг с павлином, который тут же втоптали в грязь и кровь. Наконец явилась стража с длинными копьями. Бамар отогнали и с большим трудом закрыли ворота, заложив их длинными бревнами.

— Monsieur! — Анри вытер вспотевшее лицо обрывком мундира. — Le souverain... ваш девараджа, вы должны помочь ему выбраться из города, mon camarade.

От волнения Анри заговорил с ужасным акцентом, сбиваясь на свой родной язык. Фаранг подался вперед, протягивая руку. Пранай Прая Нок схватил его широкую ладонь и крепко сдавил ее двумя своими.

— Bonne chance!

— Чок дэ, — ухмыльнулся Прая.

Звучали выстрелы, в ворота колотили бирманцы.

Прая миновал вытоптаный дворик, некогда радовавший глаз зеленью травы и пышными цветами. Бросать товарищей мучительно не хотелось, но Пранай должен исполнить свой долг перед священным правителем. Юноша толкнул тяжелые двери и вошел в тронный зал. Висящие под потолком массивные светильники не были зажжены, и золоченый трон поблескивал в полумраке.

— Армия! Где наши знамена на стенах?! — кричал правитель, размахивая длинными рукавами. — Где гвардия, где генерал Так-Син?!

Один из гвардейцев как подкошенный упал на колени перед своим повелителем.

— Ваше величество, Так-Сина и его людей в городе нет!

— Что?!!

Сурият Амарин с размаху ударил гвардейца.

— Предательство! — взревел он. — Будь прокляты эти изменники!

Прая отвернулся. Измена Так-Сина не удивила его, но юношу расстроило, что трусливый генерал Монгкут оказался прав.

— Кун Пра! — Сурият Амарин заметил его. — Что вы здесь делаете?

Девараджа остановился, раздраженно оттолкнув кланяющихся придворных.

— Мы сумели остановить бирманцев у дворцовых стен, но мы не сможем долго удерживать их, — сказал Прая.

Он обязан был встать на колени, но уставшие ноги не хотели сгибаться, поэтому Прая ограничился коротким поклоном. Это не укрылось от девараджи. На его лице появилась странная, пугающая улыбка. Руки правителя бессильно опустились. Придворные воспользовались этим, вновь окружили своего властелина, не переставая увещевать его:

— Ваше величество...

— Мы должны уходить.

— Ваша жизнь неизмеримо важнее Аютии.

— Подумайте о своих подданных!

— Пранай Прая Нок! — крикнул один из чиновников. — Чего вы ждете?!

— Я ищу своего друга, Рангсана. Вы знаете, где он?

— Он был у южных врат, — нехотя ответил девараджа. — Я приказал ему следить за Монгкутом. Если он не вернулся, то, скорее всего, мертв.

Это известие не стало для Прая неожиданностью, но он все же надеялся на еще одну встречу с другом.

— Я останусь здесь, — сказал юноша, — мы задержим ваших преследователей.

Рангсан часто говорил о самопожертвовании, но Прая не ощутил величия момента, когда он без колебаний отказался от собственной жизни. Сурият и его приближенные удалились, осыпая его благодарностями...

К середине дня бирманцы преодолели внутренние стены. Бои перекинулись на дворцовые сады. Уцелевшие гвардейцы укрылись во внутренних покоях. Сейчас они отдыхали, чистили оружие, помогали раненым и молились. Весь юг столицы был охвачен морем огня. Черный дым стелился повсюду, проникая за закрытые двери.

— Проклятый Так-Син... — пробормотал Прая. — Останься ворота закрытыми — у нас, по крайней мере, был бы шанс встретить врагов на стенах.

— Так-Син? — недоверчиво переспросил офицер. — Син Пья из Города Вдов, сын Хаи-Хонга?

— Да! Я сам слышал, как девараджа обвинил его в измене.

— Это не он. Не он открыл ворота. Генерал Син и его пятьсот храбрецов вышли из города и прорвали кольцо бирманцев сразу после начала штурма.

— Кто же тогда?! Подкупленные горожане?!

— Ворота открыл Кун Ланг Рангсан Даенг Бплор. Он впустил в город бирманцев. Говорят, он сам убил генерала Монгкута!

Лицо Прая сделалось бледным как мел. Он отступил на шаг назад, держа перед собой поднятые руки, словно пытаясь защититься от страшного известия.

— Откуда вы знаете?

— Бамар послали предателя в первых рядах атакующих, чтобы он в бою доказал свою преданность.

В словах солдата не было ненависти — только усталое презрение. Прая прикоснулся грязными ладонями к сухим глазам.

— Кун Пра?

Он не ответил.

— Пранай Прая Нок!

— Держать дверь, — прорычал Прая. — Помните, бирманцы не берут пленных.

Он вышел из зала, провожаемый испуганными взглядами людей, которые ему доверяли. Он тоже доверял Рангсану. Усилием воли Прая попытался представить себе друга в бирманских тряпках, убивающего

генерала Монгкута... Постарался вызвать в себе ненависть к этому кошмарному образу.

...Рангсан отложил длинную флейту. Кончики его пальцев были красноватыми, под ногти забились краски — учитель часто поручал мальчику обновлять фрески, хотя большую часть времени благородный послушник проводил на лежанке в своей келье.

Краска, красная, как кровь.

Он протянул руки к другу.

— Отнеси меня в храм, — тихо попросил Рангсан.

Во время их поездки к Большому озеру он выпал из телеги и сломал обе ноги. Три месяца сезона дождей Прая носил легкого, как перышко, друга на своей спине.

«Я не знаю человека, более преданного Аютии...»

...Он стиснул зубы, стащил с головы тяжелый шлем и отшвырнул его. По пустым залам дворца разнесся громкий стук, прерываемый криками защитников: бирманцы ломали дверь.

Прая вошел в храм, расположенный во внешних покоях дворца, где на высоком пьедестале сидел бронзовый Будда. Блики, отбрасываемые сотнями крохотных свечей, плясали по бесстрастному лику статуи. В полумраке храма, боддисатхва плыл в ночном небе среди крохотных звезд. Монахи и храмовые слуги отсутствовали, они вместе с гвардейцами сражались, защищая свои святилища. Даже стены храмов не остановят бирманцев от грабежа и насилия. Ничто их не удержит. Они получили свой Ангкор, и намеревались вкусить его до конца.

Прая опустился на колени, отложил меч и начал молиться, пока бирманцы добивали оставшихся защитников дворца:

К Будде, Дхарме и Сангхе,

Покуда я не достиг Просветления, я иду за Прибежищем.

*Пусть в силу заслуг, что я накопил
Взрачивая щедрость и прочие запредельные совершенства,
Я обрету Просветление во имя всеобщего блага.*

В тронный зал с воплем вбежал человек в цветах Аютии. В его плече по самое оперение застряла стрела. Несчастный закричал, поскользнулся на собственной крови и упал.

Пусть все существа познают счастье и его причину.

— Кун Пра! Помогите, умоляю вас! — закричал солдат.

В храм вошли бирманцы.

Пусть все существа избавятся от страдания и его причины.

Смеясь, они окружили упавшего сиама. Лица завоевателей были искажены гримасами ярости, под серыми налобными повязками горели безумным огнем бешеные глаза. Один из бамар толкнул раненого врага — несчастный скорчился, прикрывая голову руками, умоляя не убивать его.

Пришедшийся в незащищенную шею удар заставил его затихнуть.

Пусть все существа будут неразлучны с беспечальным блаженством.

Увидев стоящего на коленях Прая, один из бирманцев гортанно расхохотался. Держа в руке меч, он приблизился и занес оружие для удара...

Пусть, не зная привязанности и гнева, все они будут счастливы в равной мере.

— Стой! — раздался властный голос.

Недовольный бамар опустил оружие.

Вслед за убийцами во дворец ворвался горячий ветер. Светильники, один за другим, начали гаснуть. Ночное небо храма лишалось своих звезд.

«Я стану последней звездой, которая умрет в свете восходящего солнца», — подумал Прая.

В зал вошел Рангсан. Он как всегда прихрамывал, но при этом двигался легко и спокойно. Его лицо было отрешенным и равнодушным, будто это праздничные костры, а не отблески пожирающего город огня играли на его щеках и отражались в надетом на грудь Рангсана металлическом нагруднике, таушированом серебром. Доспех и богатая одежда — первый из многих подарков, которыми осыплют его новые хозяева — усиливали в нем сходство с завоевателями.

Рангсан остановился и окинул зал ленивым взглядом. Его кожу покрывали белила — любимое украшение бирманской знати. Чувственные алые губы и оттененные густыми темными бровями карие глаза сильнее обычного выделялись на белом, как у мертвеца, красивом лице. Из под панциря и кольчуги свисали рукава его любимого кафтана, расшитого лотосами цвета солнца.

Предатель остановился в пяти шагах от своего друга. Руки в темных кожаных перчатках лежали на эфесах парных бирманских сабель.

«Какую фреску ты нарисовал сегодня, мой друг?»

— Они бежали, — он оглядел опустевший зал, — но ты остался. Мне стало любопытно, Прая. Почему ты остался?

Прая перехватил рукоять сабли и поднес ее к своему лицу. Тень клинка разделила его улыбку надвое.

— Этот мертвый город не заслуживает твоей жертвы, — Рангсан указал на белеющий выход из храма. — Ты можешь уходить.

— Не ради Аютии, — произнес Прая Нок, — Ради себя. Мне нет места среди беглецов. В их потоке я растворюсь, как песчинка в урагане. Я не хочу исчезнуть. Я хочу, чтобы ты запомнил меня. Пусть это станет доказательством моего существования.

Губы Рангсана искривила привычная, лишённая тепла улыбка, но его глаза озарились чистым внутренним светом.

— Докажи мне, что существуешь, — попросил он.

Две кривые бирманские сабли сверкнули серебряными полумесяцами.

Прая высоко подпрыгнул. Выкованные в кузнице Араньяка клинки, звеня, столкнулся с мандалайской сталью. Пранай вновь оттолкнулся от земли одной ногой, поворачиваясь на пятке и стремительно атакуя. Рангсан умело защищался, спокойно отражая бешеную атаку. Дождавшись, пока Прая потеряет равновесие, он нанес короткий стремительный удар. Прая повалился на пол. Предатель остановился и молча смотрел, как он пытается подняться. Кровь из подрезанной голени Прая заструилась по блестящему полу.

Собрав в кулак уходящие силы, Пранай привстал на одно колено, вытянул руку с мечом. Рангсан шумно вздохнул, развернулся и, вкладывая всю силу в удар, взмахнул своими мечами. Прая не проронил ни звука, только зазвенел выпавший из его рук клинок.

Рангсан отступил на шаг назад. Его друг лежал в неестественной позе, как птица со сломанными крыльями. Под ним быстро растекалась лужа липкой крови. Изувеченный, он все еще жил — сломанное тело била крупная дрожь, а рука шарилась по полу в поисках меча.

Предатель отвернулся, стер кровь с клинков и вернул их в ножны. Рука Прая остановилась. Он больше не шевелился.

Рангсан окинул взглядом застывшего в безграничном спокойствии Будду, небрежно поправил высокий воротник и вышел из храма, на сокровища которого уже набросились остервенелые бирманские солдаты.

Рангсану еще предстояло много работы.

До заката все было кончено. Аютия пала. Ворвавшиеся в город бамар грабили, жгли и разрушали столицу с неиссякаемой яростью. Несколько дней отмеченные столбами дыма пожары опустошали дворцы, храмы и жилые кварталы. Когда бирманская армия, насытившись кровью, потянулась прочь из уничтоженного города, Аютия превратилась в покрытые копотью и кровью руины.

Камень храмов и монастырей уцелел, но прекрасный Большой Дворец, служивший домом тридцати пяти божественным правителям, был сожжен и разрушен до основания. Бежавшие мирные жители и ушедшие с Так-Сином солдаты больше не вернулись на руины некогда прекрасного города. Лишь змеи и птицы устраивают ныне свои гнезда там, где кипели жизнью улицы и рынки столицы, да в редких уцелевших святынях по-прежнему слышны, подобные звону тончайшего стекла, цимбалы неутомимых монахов...

Примечания:

Аютия — тайское государство со столицей в одноименном городе, существовавшее с 1351 по 1767 годы.

Фаранг — это слово используется тайцами для названия европейцев.

Нарсуан — король Сиам в Аюттхайский период, с 1590 по 1605 год. В его правление Сиам достиг наибольшего размера за всю историю.